

Клеёнка

Бабуся, как, впрочем, и многие люди старшего поколения, мобильник не любит. И пользуется им крайне редко.

Определённо должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, чтобы среди недели, среди бела дня, в рабочее время вдруг раздался звонок. Сама – труженица, обычно бабуся с трепетом относилась к чужой занятости.

Однако телефон позвонил, и в трубке раздался взволнованный и какой-то растерянный голос бабуси:

– Ой, дитятко! У нас такое случилось! Рекс трос порвал! И клеёнку изодрал в клочья!

Как всегда, когда бабуся волновалась, в её речи проскальзывал весьма заметный белорусский акцент, а слова вылетали быстрыми резкими фразами.

Из рассказа стало понятно, что ничего не понятно.

Огромный, но довольно добродушный умница-пёс вдруг повёл себя совершенно не так. Трос он рвал только однажды, когда мимо хутора проходило стадо кабанов. Но это была прямая и явная угроза. Которую он с риском для собственной жизни всё-таки ликвидировал.

Ну так то же – кабан. Но клеёнка? Что, во имя всех святых, сделала эта самая клеёнка, новая, чистая, мирно сушившаяся на верёвке, чтобы вызвать такую бурю эмоций?

Ладно, допустим, трос он порвал, клеёнку изодрал в лоскут. Но этим-то дело не ограничилось!

Клеёнку бабусе стало жалко – она была новая, недавно подаренная. И, прихватив, как всегда, когда во дворе требовалось наводить порядок, свой привычный инструмент – прислонённую к стене дома метлу, бабуся кинулась покарать хулигана.

Но опять всё пошло не так.

Метлы, как орудие возмездия, боялись почему-то все обитатели бабусиной фермы. И, в общем-то, покорно принимали не столько болезненный – уж насколько сильно может стукнуть, даже метлой, старенькая бабуся – сколько обидный воспитательный шлепок. И никто никогда и не думал оспаривать это бабусино право на воспитание.

Но не в этот раз! От души приложившись метлой к лохматому боку Рекса, бабуся принялась отчитывать его за тот беспредел, что он устроил с новой, такой красивой клеёнкой. В ответ, разумеется, ожидалось чистосердечное раскаяние.

Но вот его-то и не случилось!

Рекс, в первую секунду изумлённо глядевший на мчащуюся к нему бабуся, казалось, совершенно не был готов к наказанию. И вместо раскаяния...

Да он попросту обиделся.

Глянув укоризненно на бабуся, он вздохнул, встал с растерзанной вдрызг клеёнки и – ушёл за свой сарайчик. Где и улёгся, положив голову на лапы и отказавшись от всяческого дальнейшего общения.

Пришлось признать – повод для огорчения у бабуси и впрямь был серьёзный. Мало того, что больше нет такой красивой клеёнки, так ещё и со щенячьего возраста выращенный Рекс, такой добрый, верный и преданный, вдруг лежит за сараем и не ест и не пьёт.

Бабуся совсем потерялась.

Ясно было, что вмешательство требуется.

И в пятницу вечером, закупив новый – в мужской большой палец толщиной – трос, новую клеёнку и вкусности и для бабуся и для Рекса, «мобильная группа» в лице детей и внуков отправилась выяснять обстановку.

Уже у ворот стало понятно, что бабуся паникует не зря, на ферме действительно что-то было не так.

Обычный ритуал встречи оказался полностью нарушен. Рекс не встречал машину! Прежде, издали услышав шум знакомого мотора, Рекс выкатывался из домика и мчался навстречу, как только позволял ему трос, а потом... Потом он встречал «дитятко» Юриса – здорового дядю, взгромоздив ему на плечи большущие мохнатые лапы, а затем, поприветствовав мужчину, валился на спину, подставляя женской и детской части семьи своё мягкое тёплое брюшко.

В этот раз Рекс никого не встречал. Его даже не было видно.

Вышедшая к «дитятам» бабуся была очень расстроена. Оказалось, Рекс обиделся крепко. Настолько крепко, что вот уже три дня лежит за домиком, положив большую лохматую голову на лапы, и отказывается и пить и есть. А на бабуся даже не смотрит.

Есть от чего прийти в смятение.

Но прежде чем чинить, нужно понять, как и что сломалось.

Хоть Рекс и умный пёс, но спросить его о том, что произошло, никак невозможно. Так что «дитятки» принялись за бабуся. После двух чашек чаю, после всевозможных всхлипываний и раскаяний, картина нарисовалась следующая.

Оказывается, с точки зрения Рекса картина была совсем не такой, как поначалу показалось раздосадованной потерей бабуся.

Всё началось с ветра.

Ветер дул и дул, а клеёнка, новая, чисто вымытая клеёнка сушилась себе на солнышке, больше и больше раскачиваясь на верёвке. И в какой-то момент ветер таки сдул её с этой ненадёжной опоры. А та, в свою очередь, повинувшись закону всемирного тяготения, плавно спланировала на землю. И тем бы и закончилось, если бы не Рыжуха. Так случилось, и предвидеть этого не мог никто, что пути следования планирующей клеёнки и мирно ковырявшейся в земле курицы внезапно пересеклись. И клеёнка полностью накрыла курицу! Совершив тем самым наглое и гнусное нападение на птицу, которую – Рекс это знал точно – он должен охранять!

Что должен делать в такой ситуации сторожевой пёс? Конечно срочно, не щадя себя, спасти бьющуюся под клеёнкой и отчаянно квохчущую курицу. Что он, собственно, и сделал, сорвавшись с троса и полностью уничтожив коварного врага.

Естественно, столь успешно сделав свою работу, Рекс ожидал награды. И поначалу решил, что бабуся с метлой бежит ему на помощь, чтобы вместе поразить злобное чудовище. А вместо помощи и благодарности его, героя и победителя, бьют метлой! И кто? Заместитель господина Бога на земле – та самая бабуся, которой он всю жизнь столь безоглядно доверял. Она встала на сторону зла и защищала клеёнку!

Все мироздание сторожевого пса рухнуло и разбилось вдребезги. Его – защитника – наказали за отлично сделанную работу!

И как теперь жить?

Это была личная трагедия Рекса. И переживал он её, лежа за домиком в глубочайшем собачьем горе.

– Мда, бабуся, заварила ты кашу. – «Дитятко» вынесло вердикт. – Нужно идти мириться.

Мириться пошли все. И бабуся, и Юрис, и Анита, и тётя Мара, не говоря уже об Артурчике, Инге и Стасике, так любивших огромного пса.

Роль миротворца Юрис взял на себя.

– Ну что, Рекс, – начал он. – Нехорошо получилось. Мы поняли, ты не клеёнку драл, ты курицу защищал. Ты всё правильно сделал. Давай мириться.

И присев перед лежащей на лапах собакой, он протянул свою большую руку.

– Давай помиримся.

Мир наступил не сразу. Видно было, что Рекс слушает, но обида была сильна. Наконец, когда слова у «дитятки» закончились, Рекс поднял голову и очень грустным, даже тоскливым взглядом посмотрел на бабуся. Стало ясно: извинения придётся приносить ей.

– Ой, дитятко! – Бабуся разволновалась снова. – Да разве ж я подумать могла, что ты Рыжуху спасаешь! Да не разглядела я, думала – хулиганишь. Ты уж прости меня, дитятко!

И бабуся вдруг всхлипнула. Как видно, она сама переживала не меньше, чем этот огромный и такой гордый пёс.

Это решило дело. Мужчины, даже собачьи, всё-таки плохо переносят женские слезы. Им сразу же хочется немедленно прекратить эту сырость.

Рекс встал.

Все, окружив его, ждали, что будет дальше. Он сделал шаг к бабуся и уткнулся большой головой под её добрую мягкую руку.

– Рексик, дитятко, давай уж помиримся! – бабуся, ещё раз всхлипнув, сама присела и обняла лохматого пса.

Постояв в бабусяных объятьях, он отправился к остальным, соблюдая, как всегда, строгую очерёдность. Сначала мужчина, потом – прочие, по старшинству. В каждого он утыкался головой, как бы говоря: «Я снова с вами».

Похоже, он и сам был рад, что мир восстановлен, а его работа охранника понята и оценена.

Дальше дело пошло на лад. Попив и поев впервые за три дня, Рекс с радостью вернулся на службу, тут же опробовав на прочность новый трос, к которому его пристегнул Юрис. Трос был прочный, но это не огорчало. В конце концов, это – часть заведённого порядка, к которому все привыкли и с которым согласились.

А что может быть лучше согласия?

Вдобавок, в глубине души Рекс знал, что в случае реальной опасности, чтобы прийти на помощь, он порвёт и этот, и любой другой трос.

Ночной дозор

Бабуся было сказано строго-настрого: «В темноте из дому не выходить!»

Мало ли что с ней, старенькой, приключится. Как ни крути, а восемьдесят годочков почти, да одна, да на хуторе. Хоть и уверяет она, что не одна совсем, что с ней вместе на хуторе немало живности проживает, но в том-то и дело, что живность эта, хоть и любит бабуся, да на помощь вряд ли придёт. А потому есть договорённость – по темноте не гулять.

Бабуся понимает, конечно, что дети и внуки – волнуются и договорённость соблюдает. Хотя происходит, разумеется, всякое.

Вот и этой ночью поднялся переполох. Что такое осенние ночи – каждый знает. Темно так, что собственной руки не видно. И вот в такую темень Рекс всполошился. Рычал и лаял так, что аж дверь в дом дрожала. Страшно. Всех на ноги поднял. Коты, те попросту по углам попрятались. Бомжик – совершенно не сторожевых размеров смешной кудлатенький пёсик, живущий с бабусяй в доме, тоже излаялся весь. Да только Бомжик никому крупней цыплёнка не страшен, даром, что голос звонкий.

Смотрела-смотрела бабуся в окно, да разве ж в темноте увидишь что. И фонарик не помог. Не видно и не слышно ничего, кроме лая Рекса. А непонятное – пугает.

Бабуся растерялась: то ли выйти посмотреть, что там происходит, то ли, как детям обещано – сидеть и не высовываться. Решила – сидеть. Мало ли что Рекс учуял. Он – охрана, пусть свою работу и выполняет. Но спать, ясное дело, никак не получалось – лежала себе, прислушивалась.

Рекс лаял долго, минут сорок. А потом раздался вдруг странный стук – и только удаляющийся от хутора мощный лай.

– Опять трос порвал, – поняла бабуся, – погнался за кем-то.

И она перепугалась ещё больше. Но решила не выходить. Дверь входная заперта надёжно, в дом не попадёт никто, а что там за беда приключилась – утром разбираться будем. В темноте всё равно толку мало. И бабуся решила ждать.

А ночь не кончалась и не кончалась...

Здоровенный кавказец, вообще-то, был вполне хорошо воспитанным псом, который просто так хулиганить не будет. Видно, напал кто-то на хутор в темноте, вот сторож, как и положено, бросился на защиту. Кто напал – неизвестно, может – человек, а может – и волк. Да и рыси иногда из соседнего леса забредали. В любом случае, у бабуся, в отличие от Рекса, нет оружия, чтобы нападению противостоять. Ни с волком, ни с рысью ей не справиться. А тем более – с человеком. Так что, лежи себе тихо в темноте и жди, чем дело кончится.

Тихо-тихо было во дворе. Даже Бомжик, изображавший свирепость, подлаивая могучему Рексу, едва тот умчался со двора, притих и забился под кровать, от греха подальше. Лежала бабуся, прислушивалась.

А дело пока кончатся и не собиралось.

Где-то вдали слышно было, как происходит что-то. Лай, визг, шум непонятный бабуся слышала. Рекс явно с кем-то дрался. И дрался долго. Во всяком случае, так казалось лежащей в темноте бабусе.

– Скорей бы рассвело, – думала она, прислушиваясь.

Но утро по-прежнему не торопилось.

Потом звуки изменились. Во дворе снова кто-то был, большой и шумный. Бабуся не могла понять, кто это. Потом вроде бы она услышала, как кто-то негромко скулит.

– Странно. Скулить вроде некому, – бабуся вся извелась от волнения.

Но вот наконец-то солнце решило, что можно потихоньку начать новое утро. До настоящего рассвета, конечно, было ещё далеко, но, по крайней мере, полная темнота отступила.

Бабуся решилась. Вооружившись неизменной метлой, она храбро вышла во двор. Бомжик из солидарности поплёлся следом, стараясь не высовываться из-под бабусиной юбки.

Оглядев двор, ничего опасного бабуся не заметила. Но возле домика Рекса кто-то был.

Рекс всё-таки вернулся. Скулил и вздыхал, как оказалось, тоже он. И не удивительно. Большущий пёс лежал у дверей своего домика на боку и тяжело дышал. Рекс был ранен. С ужасом глядела бабуся на кровь, текущую из раны на груди.

– Рексик, миленький, потерпи, я сейчас! – И она помчалась в дом за мобильником.

К счастью, ветеринары просыпаются рано. Так что не успело рассвети, как Янис уже сигналил у самых ворот. Рекс попытался было встать и залаять, но не смог и только глухо ворчал, прижав уши, пытаясь из последних сил защищать хутор. Похоже, прибыл Янис вовремя.

Хорошо, что это была не первая их встреча. Рекс очень настороженно относился к чужим, и особенно – к мужчинам. В каждом видел он потенциальную угрозу. Но с Янисом как-то постепенно «сложилось». От него, по мнению Рекса, была польза. Иногда даже – большая, в виде новорождённого телёнка, вдруг появлявшегося в хлеву, когда туда заходил непонятный дядька с чемоданчиком. Кстати, дядька, почему-то его – Рекса – не боялся. А вот бабуся явно дядьку побаивалась и внимательно слушала. Так что Рекс знал: дядька с чемоданчиком – не враг. Но на всякий случай рычал всё равно.

– Ну, показывай рану, герой. – Ветеринар присел на корточки возле большой собаки.

И посмотрел псу в глаза. И Рекс сразу замолчал. Он как-то расслабился и позволил осмотреть себя. Только глаза внимательно следили, что будет делать этот непонятный человек. Бабуся суежилась рядом.

– Похоже, кабан его порвал. Давай, Мария, носи кипяток, зашивать будем, – ветеринар своё дело знал.

Услышав слово «кабан», Рекс тихонько застучал хвостом.

– Нету кабана, ушёл кабан, победил ты его. Лежи смирно, я тебя лечить буду. Не шевелись.

Команду «смирно» Рекс знал с детства, а потому лежал не шелохнувшись, пока над ним в четыре руки колдовали звериный доктор с бабусей.

Рану продезинфицировали и зашили. Доктор ещё сделал укол из большого шприца. Рекс только вздрогнул, когда в ногу вошла игла, но не возражал. Большой пёс понимал: ему – помогают. Он даже согласился открыть пасть, чтобы получить порцию воды – наклониться и попить сам он не мог.

Закончив работу, ветеринар посмотрел на бабуся, стоявшую рядом и машинально заламывающую руки:

– Да ладно, Мария, расслабься. Вон он у тебя какой сильный, справится.

И Янис тихонько потрепал огромного пса по голове. Рекс не возражал. Он так устал, что глаза закрывались сами.

– Ну вот, – услышал он, засыпая. – Теперь порядок будет.

И действительно, со временем всё стало в порядке. Клык кабана вошёл очень глубоко. Но, к счастью, могучие мышцы пса оказались хорошей защитой, которую кабан не пробил, не задеты были ни лёгкие, ни артерия. А остальное – зажило.

Откуда взялся кабан?

А их целое стадо по осени набежало прямо на бабусины угодья собирать урожай картошки да свёклы. И всю неделю они бесчинствовали то тут, то там, разоряя поля и не обращая ни малейшего внимания на лающего пса. А этой ночью, как показали следы, подошли едва ли не к самому забору, окружающему двор. Этого Рекс, конечно, не выдержал.

И – одержал победу.

А кабаны ушли. И больше не возвращались.

Вторжение

Зарядил беспросветный октябрьский дождь.

Последние золотые листья на берёзах намокли, и ветки висели бурыми комками, слабо шевелящимися под редкими порывами ветра. Дождь шёл и шёл. Под ногами хлюпало, и выходить на улицу совершенно не хотелось.

Однако жизнь на ферме не позволяет отсидеться под крышей. Пробегая время от времени по двору, по возможности укрываясь старой здоровенной плащ-палаткой, оставшейся с незапамятных времён геологической молодости, бабуся изредка поглядывала на Рекса. Псу явно не нравилась погода. Да и кому, скажите, пожалуйста, понравится, когда сверху который день льёт и льёт. Особенно, если ты – собака, и у тебя нет ни резиновых сапог, ни, тем более, плащ-палатки.

Есть, правда, свой собственный, отдельный домик. Казалось бы, сиди себе там и не мокни. Но Рекс почему-то туда упорно не шёл, предпочитая отсиживаться во дворе, под унылыми дождевыми струями, мокрый и нахохленный.

– Ну ладно, хозяин – барин, – пожимала плечами бабуся, стремясь поскорее укрыться от непогоды.

Но время от времени поглядывая в окно, она по-прежнему натывалась взглядом на Рекса, продолжавшего сидеть под холодным осенним дождём.

Наутро дождь наконец прекратился. Хоть и осеннее, но солнышко успело высушить изрядно поредевшие берёзовые ветки, и листья заиграли весёлыми золотыми зайчиками, потихоньку шелестя вдогонку уходящим тучам. Двор тоже подсыхал. Рекс, уже обсохший и не такой нахохленный, продолжал наслаждаться свежим воздухом, игнорируя свой, ранее столь любимый им домик.

– Ну, пёс большой, сам разберётся, сидеть ему в домике или на улице, – в очередной раз подумала бабуся, загоня вечером птицу в сарай.

Наконец домочадцы угомонились. Коровы лениво жевали жвачку в хлеву, куры, утки и гуси – все до единой птицы благополучно спали в своём сарае. Даже Мурис, сидевший в своих «джунглях» на подоконнике, лениво жмурился, готовясь ко сну. Кинув последний взгляд в окно перед тем, как улечься под любимое стёганое одеяло, бабуся увидела Рекса, лежащего неподалёку от входа в домик. С тем и уснула.

Разбудил бабуся истощный лай. Рекс аж захлёбывался, изо всех сил натягивая трос. Подскочив к окну, бабуся ничего не заметила. Едва-едва занимающийся рассвет прятал в утренних сумерках весь двор. Но, поскольку Рекс лаял, не переставая, было очевидно: что что-то случилось.

Накинув прямо на ночную рубашку тёплый ватник и сунув ноги в сапоги, предусмотрительно стоящие у двери, бабуся, отодвинув щеколду, засемила к возбуждённому Рексу.

– Да что случилось-то, что ты шум поднимаешь? – бабуся спросонок была сердита. – Нет же никого!

Но подойдя ближе, она осеклась на полуслове. Стало понятно, почему столь взволнованно лаял Рекс. Во двор надвигалось настоящее вторжение.

Из домика пса, качаясь с боку на бок, семенила Тина. Рябенькая мускусная уточка давно уже числилась пропавшей. Поискав её понапрасну, бабуся решила, что ту унёс коршун. А тут вдруг Тина собственной персоной идёт вперевалку по двору. Но не Тина была причиной переполоха. Точнее, виновницей была, конечно, она, но лаял Рекс не на неё. Знакомая утка никак не могла вызвать такую реакцию сторожевого пса.

Дело было не в утке. Утка бы шла себе и шла. Так шла-то она не одна! За ней – бабуся не верила своим глазам – вперевалку из собачьей будки шли один за другим, один за другим, один за другим... Маленькие, рябенькие, кругленькие, с едва видными жёлтыми клювиками, за Тиной переваливались на крохотных лапках один,

второй, третий... Из двери домика Рекса выходили и выходили нескончаемым потоком утята.

– Восемнадцать, – выдохнула бабуся, когда последний – замыкающий – утёнок вышел из домика и засеменил след в след за всем выводком, смешной живой цепочкой спешащим за мамой Тиной.

И сразу стало ясно, почему не шёл в домик, несмотря на дождь и холод, большой пёс. Он уступил место Тине.

Вознамерившись во что бы то ни стало вывести птенцов, утка снесла кладку в самом безопасном с её, утиной, точки зрения месте – прямо под боком у охраны. Так что «глупа, как утка» Тина явно не была. Рекс, как и положено большому и сильному, уступил место будущей матери, усевшейся на яйца. Место, очевидно, было выбрано правильно. Несмотря на октябрьские холода, в домике было достаточно тепло, чтобы из яиц вылупились утята.

И вот тут-то Рекс и не выдержал. Против утки он ничего не имел. Но когда из домика пошли строем непонятные, неизвестно откуда взявшиеся чужаки, он совершенно растерялся. По его собачьей логике этим комочкам, нескончаемым потоком выходившим и выходившим из домика, совершенно неоткуда было взяться. Они туда не заходили!

Но вот же – идут и идут! Вторжение!

Все собачьи ориентиры сбились полностью. Рекс понятия не имел, что с этим делать. С одной стороны – маленькие. Маленьких трогать нельзя. С другой стороны – это какие-то чужие маленькие, его с ними не знакомили. Опять-таки, кто их сюда звал? И вообще, как они сюда попали?

Бедный пёс полностью растерялся. Если эти непонятные комочки находятся в нашем дворе, то, наверное, они наши. Но они не могут быть наши, потому что непонятно, откуда взялись. А если это чужие, то на них надо нападать. А если окажется, что это – свои, то нападать нельзя, а наоборот – нужно защищать....

– Так свои это или чужие? – Рекс с надеждой смотрел на бабуся.

– Молодец, хороший пёс, – едва оправившись от удивления, бабуся погладила Рекса по огромной лохматой голове. – Молодец, что позвал. Это – наши маленькие.

Похоже было, что Рекс вздохнул с облегчением: вопрос «свои или чужие» наконец-то был решён со всей определённойностью

И бабуся поспешила собрать в подол все восемнадцать крохотных пищащих комочков. Тина шипела, но авторитет хозяйки не оспаривала, только крутилась рядом с детьми. Собрав всех малышей, бабуся прихватила второй рукой мамашу-утку.

– Да ты совсем отоцала. Ну, и что мы с твоими детьми делать-то будем? – приговаривала бабуся, вздыхая и семеня к дому.

Да и было от чего вздыхать. Выхаживать птенцов в октябре – та ещё работёнка. На улице их не оставишь – того гляди заморозки опустятся. А в сарай к взрослой птице тоже нельзя – затопчут.

– Эх ты, мамашка непутёвая, – приговаривала бабуся, аккуратно перекладывая новорождённых из подола в ящик.

Пристроив малышей и накормив-напоив исхудавшую Тину, бабуся наконец перевела дух и окинула взглядом двор, уже хорошо освещённый утренним солнцем.

Её взгляд упал на Рекса. Пёс, как видно, соскучился по дому, откуда его столь бесцеремонно выгнала одержимая инстинктом материнства утка. И теперь он сладко спал под собственной крышей, высунув из домика большую мохнатую голову.

А чего же не спать? Вторжение благополучно сидит в ящике, и больше спокойствию фермы ничто не угрожает.

По заслугам

Населения на хуторе – не сосчитать. Ну, кроме людей, конечно! Тут бабуся одна за всех управляется.

Одной живности, пожалуй, если по головам считать, на целый посёлок наберётся. Тут и собаки – громадина Рекс и лохматый беспородный Бомжик, и коты – знающий себе цену Мурис и подросток Дымка. Коровы, мирно жующие свою жвачку, телята, весело взбрыкивающие на зелёной травке, козы... А птиц, так и вовсе немеряно. Только взрослых кур, уток и гусей – аж двести «человек», а сколько птенцов, никто и не считал...

И всё у них, как у людей. Каждый знает своё место в этом пёстром сообществе, понимает, чего от него ждут и на что можно рассчитывать. Понятно, что у молодых петушков бывают и драки за первенство, но в целом население хутора живёт дружно, степенно и относится друг к другу с пониманием.

В целом. Но всегда же есть некоторые отклонения от нормы. И на этом хуторе такое «отклонение» живёт уже давно. Кличка этого недоразумения – Зося. Зося – это большой белый гусак, главарь и вожак большого гусиного семейства. При таком обилии гусынь, а летом – ещё и гусят, казалось бы, главе семейства должно было бы хватать дел, чтобы не искать себе приключений.

Так нет же!

Дня не проходит, чтобы Зося не отличился. И это потому, что гусь, хоть и красивый, и видный, и статный, но имеет ужасно сварливый характер. И постоянно пытается отстаивать звание «доминирующего самца». Даже по сравнению с Рексом.

Рекс, даром что охранник, хорошо знающий службу, – добродушнейшее существо. Особенно по отношению к домочадцам. Надо видеть, как аккуратно переставляет он свои большие лапы, чтобы случайно, ненароком не задеть какого-нибудь отчаянного цыплёнка, мчащегося за соринкой или соломинкой прямо под ноги мохнатой громадины. Ни в коем случае не обидит он того, кто находится под его защитой.

Никого, кроме Зоси.

Ну, тут уж и не придерёшься, даже у ангела терпения бы не хватило! Да сам Будда, пожалуй, решил бы, что такому нахальству нужно дать отпор.

Знаете, что делает Зося?

Старый гусак давно понял, что движения Рекса ограничены длиной цепи, на которой он обычно сидит. И не потому, что бабуся ему не доверяет, не потому, что он может сделать что-то плохое, нет. Это – вынужденная мера безопасности, направленная на защиту самого Рекса. Никогда не выходит он со двора без человека, готового защитить пса. Потому что есть, к сожалению, некоторые люди, способные жестоко поступить с собакой. Например, сбить машиной или мотоциклом. Или придумать ещё какое-нибудь столь же «милое» развлечение. Как бы ни был умён пёс, человеческой хитрости поболее будет. Вот и сидит Рекс на цепи, пока не пригласят его на прогулку.

Гусак, как видно, углядел, что дальше цепи Рекс достать не может. А стало быть, в случае чего – не дотянется. И, недолго думая, Зося начал дразнить Рекса. Поглядит-поглядит по сторонам, нет ли где неподалёку бабуси – знает ведь, хоть и гусак, что бабуся не то, что не похвалит, а, пожалуй, перетянет метлой по спине. Но дел на хуторе, конечно, всегда немало, и Зося находит момент, когда заступиться за Рекса некому.

– Тя-тя-тя-тя-тя! – раздаётся громкий скрипучий голос.

Это Зося, строго соблюдая безопасную дистанцию, начинает дразнить Рекса, вытянув к нему свою длинную шею.

Поначалу Рекс пытается игнорировать старого пройдоху. Иногда он притворяется, будто спит, иногда делает вид, что очень занят разглядыванием облаков на небе, но в любом случае он пытается не обращать внимания на наглого хулигана.

– Тя-тя-тя-тя-тя-тя-тя-тя-тя! – гусак, выворачивая шею для пушного эффекта, продолжает гундеть.

Он знает, что терпение большого пса – не безгранично. Рано или поздно повторяется одна и та же история. Рекс начинает злиться. Сначала он злится молча, потом – начинает огрызаться. И вот тут-то у Зоси наступает второе дыхание: его голова с завидной скоростью вертится в нескольких сантиметрах от оскалившегося, злобно рычащего Рекса, а из клюва продолжает раздаваться противное не смолкающее:

– Тя-тя-тя-тя-тя-тя-тя-тя-тя!!!!!!

В конце концов, потеряв всяческое терпение – всё-таки Рекс только собака, а не тибетский монах – пёс бросается на обидчика, стремительно втягивающего свою длинную гусиную шею так, чтобы никакой Рекс его не достал.

Самое обидное ещё и то, что цепь, натянувшаяся в прыжке до предела, с той же силой швыряет Рекса на землю. Увидев поверженного пса, Зося считает свою миссию на сегодня выполненной и удаляется к своим жёнам, бормоча себе под нос неизменное «тя-тя-тя-тя-тя».

Гадкий характер у птицы. Но умён, шельмец. Едва только Рекса спускают с цепи, Зосю – не найти. Где он скрывается, не знает никто. Но удивительное дело, гусак безошибочно ловит момент, когда пора прятаться. Само собой, обид на Зосю накопилось у Рекса немало.

Но не бывает ничего, абсолютно безнаказанного. Как говорится, «отольются кошке мышкены слёзки». Настигло возмездие и вредную птицу.

Зося потерял бдительность. Он так долго безнаказанно дразнил пса, что уверовал в собственную неуязвимость, и, как оказалось, напрасно, потому что Рекс его всё-таки достал.

Осталось неизвестным, было ли то случайностью, или чётко рассчитанной возможностью, но всё произошло мгновенно. Рекс, как и ожидалось, бросившись на обидчика, упал. Зося, решив, что на сегодня он получил достаточно удовольствия, развернулся, чтобы удалиться с места событий. Да не тут-то было. Немедленно вскочивший Рекс таки достал своего обидчика. Под прицел попала не шея, но – хвост. Пышный, конечно, не такой, как у павлина, но вполне себе приличный гусиный хвост целиком и полностью очутился в пасти разъярённой собаки. И отпускать его Рекс не собирался.

Зося заголосил не своим голосом так, что на шум выбежала бабуся, впопыхах хватая метлу, благоразумно стоящую как раз для таких случаев недалеко от крылечка. Это было то ещё зрелище – орущий дурным голосом, мечущийся в попытках вырваться из собачьих зубов, Зося и молча сжимающий челюсти огромный Рекс. Бабуся поначалу было ринулась выручать птицу, но, не добежав, остановилась. Как видно, стремление к справедливости оказалось сильнее, чем желание заступиться за более слабого. К тому же бабуся и не вспомнила бы, сколько раз, пройдясь по спине гусака метлой, она предупреждала его: «Не лезь к Рексу, нарвёшься уже однажды!» Так что бабуся остановилась и решила посмотреть, что же будет дальше.

Рекс, в отличие от Зоси, привык рубить, что называется, сплеча. И тянуть с возмездием не стал. Он с силой мотнул головой, и Зося, потеряв равновесие, побежал, быстро перебирая перепончатыми лапами. А хвост, его роскошный хвост, весь целиком остался в пасти у мохнатого пса. Было больно и стыдно. Кожа, откуда столь грубо были выдраны все перья, горела, бабуся обидно смеялась, и Зосе, как видно, показалось, что над ним смеётся весь двор. Убежав за амбар, он спрятался за перевёрнутым ведром, решив никогда не высовываться.

Рекс же, посчитав, что воздал обидчику по заслугам, немедленно выплюнул перья, торчавшие у него изо рта изрядной связкой. И – забыл про этот инцидент.

Да и о чем там было помнить? Террор прекратился навсегда.

Правда, для Зоси эта история так просто не кончилась. Во-первых, никогда больше не рисковал он даже близко подходить к сторожевому псу. А во-вторых, чрезвычайно стеснялся и убегал, если только кто-нибудь из домашних задавал ему вопрос:

– А где же твой хвост, Зося?

Вот только винить в этом ему было некого. Он просто – получил по заслугам.